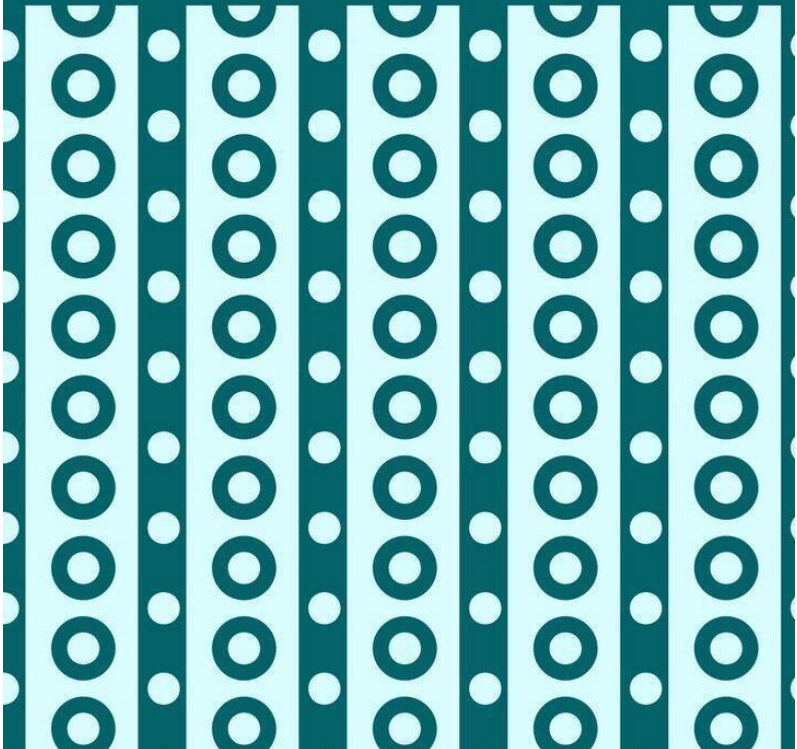
18+

Арина Лорель

Тактильность Бога

Арина Лорель
Тактильность Бога

https://litres.ru/74757427
ISBN 9785007151801

Аннотация

Реставратор Антонио Бьянки из Венеции, который после потери глаза развил уникальную тактильную чувствительность. Он способен «читать» память предметов через прикосновения. Ему поручают восстановить легендарный хрустальный флакон «Слеза Флоренции», внутри которого запечатаны три истории: Эмилии — женщины XVI века, видевшей вкус цвета; Курта — немецкого химика времен Второй мировой, который умертвил свою возлюбленную Сару, чтобы спасти её от гестапо, и запечатал её последний выдох.

Содержание

Тактильность Бога 5
Глава 1 6
Глава 2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Тактильность Бога

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-5180-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тактильность Бога

Глава 1

Антонио Бьянки закрыл единственный видящий глаз и дал пальцам работать. Под пальцами был бархат. Не просто ткань, а память. Тысячи людей когда-то касались его. Женщина в тяжёлом шёлковом платье оставила длинные следы от корсета. Нервный мужчина мял подлокотник большим пальцем, и ворс сбился в комочки. Слева сидел ребёнок — остались маленькие вмятины, как следы воробья на мокрой глине. А ещё глубже, под этими слоями, было что-то старое. Тёплое. Живое. Оно не оставило следов, но было здесь. Как запах. Как дыхание. Как любовь.

Антонио читал эти следы, как другие читают книги. Каждая вмятина — слово. Каждая потёртость — предложение. Бархат рассказывал истории, которых нет в документах. Истории тел, которые здесь сидели, ждали, любили, скучали, умирали.

Он провёл ладонью по подлокотнику — медленно, с уважением. Бархат был очень старым. Больше двухсот лет. Он помнил всё.

В мастерской пахло пылью, воском и морем. Запах моря был везде — в Венеции он пропитывает стены, дерево, кожу,

волосы. Антонио любил этот запах. Он напоминал о детстве, когда мир был целым, когда оба глаза видели, когда будущее казалось бесконечным, как лагуна.

После химического ожога в двадцать три года Антонио ослеп на один глаз. Он чистил бронзу кислотой, рука дрогнула, и мир стал наполовину серым. Врачи говорили, что повезло: второй глаз цел. Антонио так не считал. Он считал это насмешкой. Половина мира исчезла. Осталась плоская, бледная картинка без глубины. Но руки стали его глазами. Пальцы — сетчаткой. Кожа — зрачком. Он научился чувствовать то, чего не видел. И понял: то, что он чувствует, важнее того, что он видит.

В больнице, в первые недели после ожога, он лежал в палате на шесть коек. Соседи менялись: старик с гангреной, мальчик с переломом, мужчина с ожогами по всему телу. Антонио не мог видеть их лиц — повязка закрывала половину мира. Но он слышал. Слышал, как старик плачет по ночам. Как мальчик зовёт маму. Как мужчина с ожогами просит воды. Он слышал их дыхание, их боль, их страх.

Однажды ночью, когда все спали, он протянул руку и коснулся стены. Стена была холодной, шершавой, равнодушной. Но под пальцами что-то было. Что-то, что не имело имени. Он закрыл здоровый глаз и позволил пальцам говорить.

И стена ответила. Она рассказала ему о всех, кто касался её до него. О всех, кто лежал на этой койке, смотрел в этот потолок, ждал, надеялся, умирал. Антонио почувствовал их всех. И впервые за долгое время ему стало не так одиноко.

Врачи говорили, что он никогда не сможет работать. Что реставрация требует двух глаз. Что нужно найти другую профессию. Антонио не слушал. Он учился. Годами. Он трогал всё — камень, дерево, металл, ткань, стекло. Он запоминал. Он строил свою библиотеку — не из книг, а из прикосновений.

Когда он вернулся в мастерскую, старый мастер Марио Дзанетти посмотрел на него долго и сказал:

— Ты потерял глаз. Но приобрёл нечто большее. Не знаю, что именно. Но это — дар. Не прячь его.

Марио умер через год. Антонио остался один. Но не одинокий. С ним были вещи. С ним была память. С ним была Венеция.

Кресло было из восемнадцатого века. Венеция, закат республики. Аристократы тратили последние деньги на красоту, хотя знали, что скоро всё рухнет. Кресло стояло в палаццо на Гранд-канале, в зале, где, по легенде, принимали Ка-

занову. Антонио понял это не по документам, а по дереву.

Дерево было ореховым. Тёмным, почти чёрным, с глубокими прожилками. Оно помнило руки мастера — старого, с мозолями на пальцах, с неровным дыханием. Мастер работал медленно, тщательно, вкладывая в каждый срез часть себя. Антонио чувствовал его усталость, гордость и страх — страх не успеть, сделать плохо, оставить после себя что-то недостойное.

Он провёл ладонью по подлокотнику.

— Что ты помнишь? — тихо спросил он.

Кресло молчало. Но под пальцами что-то двигалось — не физически, а как память. Она была в дереве, в бархате, в пыли. Она ждала.

В работе с тканями спешка — преступление. Каждый сантиметр бархата нужно очистить так, чтобы не стереть память прикосновений. Пыль здесь не враг, а свидетель. Антонио собирал её бережно, как археолог черепки, складывал в стеклянные флаконы, подписывал даты и имена, если удавалось их узнать.

Он работал в мастерской на первом этаже старого дома в

районе Каннареджо. Мастерская была маленькой — три на четыре метра, — но казалась огромной из-за полок. Полки шли от пола до потолка и были заставлены флаконами. Сотни. Тысячи. Каждый — с пылью из другого места, другого времени, другой жизни.

Вот пыль из дворца дожей — серая, тяжёлая, с запахом камня и моря. Антонио собрал её в 2019 году, когда реставрировал дверь в зале Большого совета. Дверь помнила руки дожей, которые открывали её, входя в зал. Помнила заговоры, которые здесь плелись. Помнила казни, которые здесь решались. Антонио чувствовал страх. Не свой — чужой. Страх людей, которые знали, что их ждёт. Он собрал пыль и подписал: «Дворец дожей, зал Большого совета. Дверь. Пыль с ручки. 2019». Флакон стоял на полке, и в нём жил страх.

Вот пыль из церкви Санта-Мария-Глория-дей-Фрари — светлая, почти невесомая, пахнущая ладаном и воском. Антонио собирал её, когда реставрировал алтарь. Алтарь помнил руки священников, которые служили здесь мессу. Помнил руки прихожан, которые молились. Помнил слёзы, которые падали на камень. Антонио чувствовал веру. Не свою — чужую. Веру людей, которые приходили сюда, чтобы найти утешение. Он собрал пыль и подписал: «Санта-Мария-Глория-дей-Фрари, главный алтарь. Пыль с подножия. 2021». Флакон стоял на полке, и в нём жила вера.

Вот пыль из театра Ла-Фениче — золотистая, мерцающая, с запахом пудры и пота. Антонио собирал её, когда реставрировал ложи. Ложи помнили руки актрис, которые выходили на сцену. Помнили руки зрителей, которые аплодировали. Помнили любовь, которая здесь случалась. Антонио чувствовал страсть. Не свою — чужую. Страсть людей, которые отдавали себя искусству. Он собрал пыль и подписал: «Ла-Фениче, ложа бельэтажа. Пыль с бархата. 2022». Флакон стоял на полке, и в нём жила страсть.

Антонио знал каждый флакон. Помнил, откуда он, когда собран, что он чувствовал, когда касался той или иной поверхности. Его архив был его библиотекой, его памятью, его жизнью. Иногда он доставал флакон, открывал, нюхал. И вспоминал. Не события — чувства. Это было важнее. События забываются. Чувства остаются.

Нынешняя пыль была необычной. Он поднёс флакон к носу — обоняние работало острее, чем единственный глаз. Пахло старой бумагой, железом, чем-то сладким, будто забродивший мёд, и ещё чем-то, похожим на запах открытого окна в комнате, где только что умер человек.

— Ты пахнешь восемнадцатым веком, — сказал Антонио флакону. — Людьми, которые верили, что красота их спасёт.

Он закрыл флакон, подписал этикетку: «Кресло Мочениго, XVIII в., зал Казановы. Пыль с подлокотника». Поставил на полку. Рядом с другими.

За окном плескалась вода. Канал — в трёх метрах от стены, и каждая проходящая лодка била волной в фундамент, отчего дом вздрагивал. Антонио любил это ощущение — здание дышало вместе с водой. Венеция вообще была живой — не в переносном смысле, а буквально. Она дышала, двигалась, старела. И Антонио чувствовал её старение кожей.

Он часто гулял по ночам. Венеция ночью была другой — тихой, тёмной, таинственной. Туристы спали в отелях, местные спали в домах, и город принадлежал только воде, камню и памяти. Антонио шёл по набережным, переходил мосты, касался стен. Стены говорили. Они рассказывали о наводнениях, о пожарах, о любви. О людях, которые жили здесь, любили здесь, умирали здесь. Антонио слушал. И запоминал. Он был хранителем. Не музея — города. Не вещей — памяти.

Он вернулся к креслу. Бархат был изношен — не только физически, но и внутренне. Ткань утратила особую энергию. Ворс нужно было восстановить так, чтобы он снова впитывал прикосновения, как в первый день. Антонио работал мягкой

беличьей кистью. Пыль поднималась, сверкала в луче, падавшем из окна. Здоровым глазом он видел его — золотой, густой, венецианский свет. Такой свет бывает только здесь, на лагуне, где солнце смешивается с водой и превращается в золото.

— Помнишь? — спросил он кресло.

Кресло молчало. Но под пальцами что-то менялось: ворс поднимался, распрямлялся, наливался тёмно-синим, почти чёрным, с багровым отливом. Антонио закрыл глаз и представил женщину, которая здесь сидела. Шёлк по бархату. Тонкие пальцы, унизанные кольцами, оставляли на дереве микроскопические царапины. Он чувствовал их — как подпись.

— Кто ты была? — прошептал он.

Он представил её. Молодую, красивую, в платье цвета спелой вишни. Она сидела в этом кресле, ждала кого-то. Мужчину. Любовника. Может быть, мужа. Она волновалась. Он чувствовал её волнение — в царапинах на дереве, в том, как она сжимала подлокотник. Она ждала долго. Он не пришёл. Она ушла. Но её волнение осталось. Навсегда.

Телефон зазвонил. Антонио не любил телефоны. Гладкие,

холодные, без запаха, они не хранили памяти. Он считал их инструментами насилия — над тишиной, над уединением, над прошлым. Но телефон звонил, и нужно было ответить.

— Бьянки.

— Синьор Бьянки? — Женский голос, молодой, с неитальянским акцентом. — Доктор Ханна Линдквист. Фонд «Эйдолон».

Антонио нахмурился. «Эйдолон» финансировал реставрационные проекты по всей Европе. Неограниченные средства, странные методы. Говорили, что они собирают не предметы, а тени.

— Что вам нужно?

— У нас есть предмет, требующий вашего… особого подхода.

— Какой предмет?

— «Слеза Флоренции».

Антонио замер. Легенда, известная каждому реставратору в Европе. Хрустальный флакон эпохи Возрождения, предпо-

ложительно из мастерской Леонардо. Внутри, по преданию, запечатан «запах рая». Флакон пропал в девятнадцатом веке, и с тех пор — только слухи.

— У вас есть «Слеза»?

— У нас есть то, что от неё осталось. Через полгода — выставка «Красота как этика». Мы хотим, чтобы «Слеза» стала центральным экспонатом.

— Почему я?

— Потому что вы единственный, кто может восстановить не форму, а… суть.

Антонио посмотрел на свои руки. На пальцы, которые знали больше, чем он сам. На шрамы — тонкие, белые, почти незаметные. На мозоли — от кистей, от инструментов, от прикосновений.

— Я приеду. Куда?

— Венеция. Палаццо Контарини. Завтра, десять утра.

Он положил трубку и повернулся к креслу. Бархат больше не дышал. Кресло ждало.

— Прости, — прошептал Антонио. — Я вернусь.

Он взял со стола три флакона с пылью — из-под подлокотника, из-под спинки, из-под ножки. Каждый подписал: «Кресло Мочениго, XVIII в., зал Казановы». Поставил на полку. Рядом стояли сотни таких же — его архив, его библиотека, его память. Каждый флакон — чей-то выдох, чьё-то прикосновение, чья-то жизнь.

Антонио снял с гвоздя пальто. Венецианская ночь ждала его — сырая, тёплая, пахнущая водорослями и дождём. Он вышел на улицу. Венеция была тёмной — только редкие фонари, жёлтые пятна на мокром камне. Вода в канале стояла неподвижно, как стекло. Где-то далеко играла скрипка — медленно, грустно, красиво.

Антонио шёл по набережной. Мимо домов, мимо мостов, мимо людей. Люди спешили — туристы с картами, местные с сумками, дети с мороженым. Никто не смотрел на него. Никто не знал, что он чувствует. Он остановился на мосту. Посмотрел в воду. Тёмную. Глубокую. Живую.

— Скоро, — сказал он воде. — Скоро я узнаю.

Вода молчала. Но Антонио знал: она слышит.

Глава 2

Палаццо стояло на самом краю Венеции, там, где город почти растворялся в лагуне. Антонио ехал туда на вапоретто — венецианском речном трамвайчике. Он вдыхал солёный воздух. Вода была неспокойной: ветер с Адриатики гнал волны, и лодку покачивало. Антонио стоял на палубе, держась за поручень, и чувствовал, как вибрация двигателя отдаётся в костях.

Для него вапоретто был не просто транспортом. Это был живой организм: дерево, металл, краска, пот, дыхание. Люди входили и выходили, оставляя после себя следы — запахи, тепло, мельчайшие частицы кожи. Антонио чувствовал их всех. Турист с рюкзаком — потный, взволнованный, пахнущий солнцезащитным кремом. Старуха с корзиной — рыбой и лавандой. Ребёнок — молоком и мылом. Он стоял и дышал. Венеция входила в него через нос, через кожу, через память.

Он вспомнил, как впервые оказался на вапоретто. Ему было семь. Отец вёз его на Лидо — первый раз в жизни. Антонио стоял на палубе, держась за поручень, и смотрел на воду. Вода была зелёной, прозрачной, живой. Он видел рыбу. Медуз. Водоросли. Отец смеялся и говорил: «Смотри, сынок.

Это — Венеция. Она никогда не умрёт». Антонио верил. Он и сейчас верил. Венеция не умирала. Она менялась. Но не умирала.

Палаццо появилось внезапно. Оно будто вырастало из воды: бледное, стройное, с готическими окнами и мраморной отделкой. Антонио сошёл на пристань и остановился. Закрыл глаз. Палаццо дышало. Он чувствовал его дыхание — медленное, глубокое, старое. Дом помнил всё. Как его строили — камень за камнем, балку за балкой. Как в нём жили — любили, страдали, умирали. Помнил войну, мир, забвение.

Дверь открылась прежде, чем он постучал. На пороге стояла высокая худая женщина. Короткие светлые волосы, глаза цвета льда. Всё чёрное, строгое. Рука, которую она протянула, была холодной и сухой.

— Доктор Линдквист.

— Ханна. Пожалуйста.

Антонио пожал руку. Кожа была прохладной, гладкой, почти без запаха. Но под этим он почувствовал что-то ещё. Что-то спрятанное глубоко. Страх? Боль? Он не мог понять. Слишком слабо.

Они вошли внутрь. Палаццо было пусто. Голые стены, мраморные полы. На стенах остались светлые прямоугольники там, где раньше висели картины. Антонио провёл пальцем по стене. Штукатурка была холодной и шершавой. Под ней — кирпич, ещё старше. Под кирпичом — камень, который помнил, как строили этот дом.

— Где «Слеза»?

— В подвале. Там специальные условия.

Они спустились по винтовой каменной лестнице. Антонио насчитал двадцать три ступени. Он всегда считал. Ступени были стёрты посередине — от тысяч ног за сотни лет. Антонио спускался медленно, касаясь стены. Штукатурка осыпалась под пальцами. Под ней — кирпич. Под кирпичом — камень. Под камнем — земля. Венецианская земля. Она помнила всё.

Подвал был большой и сырой. В углу стоял стол, на нём — чёрный бархатный футляр. Ханна открыла его.

Флакон был не больше ладони. Хрусталь, прозрачный, с голубоватым оттенком. Огранка необычная: свет, проходя сквозь него, распадался на множество оттенков. Но Антонио сразу заметил другое: флакон был собран из осколков. Тре-

щины шли по стенкам, как реки по карте. Горлышка не хватало, верхняя часть была залита прозрачным воском. Дно целое, тяжёлое, с едва заметной гравировкой. Пальцы уже знали: там были буквы. Три буквы. M, E, D.

— Можно?

— Пожалуйста.

Он взял флакон и замер. Хрусталь был тёплым. Не холодным, как стекло, а тёплым — как кожа. Грань под пальцем оказалась гладкой, но не скользкой. Она отвечала на прикосновение. Антонио провёл подушечкой по трещине. Трещина была не просто повреждением. Она была швом. Следом соединения. Кто-то собирал этот флакон давно. И делал это с любовью.

— Что вы чувствуете? — спросила Ханна.

Он молчал, отдав мир пальцам. Флакон помнил. Руки, которые его создавали. Дыхание, которым его наполняли. Момент запечатывания. Антонио чувствовал три слоя тепла. Первый — древний: руки алхимика, сухие, в мозолях. Второй — руки художника: тонкие, нервные. И третий — самый сильный. Женские руки. Тёплые, чуть влажные. Они держали флакон дольше всех. Они не хотели отпускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.